

БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕС

*Петр Касаткин**

С конца XX столетия высшему образованию стали уделять особое внимание как одному из приоритетов развития как на международном, так и на национальном уровне. Высшее образование, очевидно, становится все более востребованным и привлекательным, а количество студентов в стране – показателем ее в большей или меньшей степени успешного развития. На современном этапе мирового развития в системе высшего образования происходят важнейшие трансформации: образовательная сфера зачастую становится объектом международного сотрудничества. Между тем, несмотря на то, что данная сфера изучается целым рядом специалистов в сфере экономики, социологии и высоких технологий, ей до сих пор недостаточно внимания уделяется в рамках рассмотрения ее влияния в мирополитических процессах.

В статье анализируется современный образовательный процесс в высших учебных заведениях, дается анализ Болонской системы и ее адаптации в новоприсоединившихся странах. Автор отмечает значимость образовательной среды как неотъемлемой части «мягкой силы» государства. Подчеркивается, что расширяющиеся и углубляющиеся в современном мире глобализационные процессы, охватывающие все сферы, в том числе и социо-гуманитарную, выводят на первый план «антропологическое» измерение в мирополитических отношениях. Соответственно, образование становится фактором, имеющим принципиальное значение для мирового развития – не только культурного, но и, главным образом, политического и экономического. Важным выводом, который делает автор, является утверждение о том, что от управления образовательной средой зависит позиционирование государства на международной арене, формирование ментальности нового поколения.

В современном мире происходит активное развитие сферы образования, наряду с внедрением коммуникативных технологий в нее. Это позволило не только государствам, но и другим акторам – НПО, ТНК, внутригосударственным регионам и мегаполисам взаимодействовать на глобальном уровне в принципиально иных масштабах и тем самым активно влиять на политические процессы. В результате, границы между политикой, экономикой и образованием стали прозрачными [18], как и границы между национальными государствами, что явилось вызовом национальному суверенитету и всей государственно-

центристской системе в целом. Соответственно, новые акторы стали той силой, которая способна «оказывать влияние на ценности, поведение и коллективный выбор больших групп людей... и, таким образом, опосредованно влиять на процесс принятия решений во властных структурах» [13. С. 130]. Качество и содержание этого влияния потребовали принципиально иного уровня подготовки кадров.

Высшее образование как таковое становится все более привлекательным, а количество студентов в стране – индикатором ее успешного развития. Система высшего образования в современном мире претерпева-

* Касаткин Петр Игоревич, кандидат политических наук, начальник отдела докторантуры и аспирантуры МГИМО (У) МИД России

ет удивительные метаморфозы, становясь одной из ведущих сфер реформирования, интеграции, международного сотрудничества и т.д. В качестве примеров можно привести создание единого европейского пространства в сфере высшего образования; включение в повестку дня встречи Группы восьми в Петербурге летом 2006 г. вопросов образования и др.

Нельзя сказать, что ранее проблематика образования, и в частности высшего образования, была вне фокуса внимания на национальном или международном уровне. Скорее, напротив: в различных странах постоянно шли реформы в области образования, а на межгосударственном уровне заключались соглашения, в которых обычно отмечалась необходимость развивать и расширять сотрудничество в области науки, культуры и образования.

В то время как роль новых технологий в политическом развитии мира довольно широко обсуждается исследователями, занятыми анализом международных отношений и мировой политики, образование, прежде всего высшее и послевузовское, являющееся основой научно-технического развития, остается на периферии их научного интереса. В некоторых работах образовательная сфера рассматривается с учетом интеграционных и глобализационных процессов, но при этом акцент делается на национальной политике государств [20]. В итоге международному аспекту образовательных процессов в международных исследованиях не уделяется достаточного внимания.

Кроме того, к проблематике развития образования обращаются экономисты, социологи, но обычно также в контексте поляризации мира или в связи с интенсивным внедрением новых технологий в экономическую сферу [8] [19] [2. С. 37-52]. Однако очевидно, что в современных условиях, когда человеческий ресурс выходит на первый план, обуславливая экономический прогресс, образование становится политикообразующим фактором, т.е. фактором, задающим направление мировому политическому развитию. Происходящее расширение и углубление процессов глобализации в социо-гуманитарной сфере выводит на первый план «антропологическое» измерение мирополитических процессов, затрагивая сферы, ранее в большей степени наполненные традиционным, государственно-центристским содержанием.

Так, Т.В. Памфилова отмечает, «что перспективная задача современной дипло-

матии – защищать интересы свободно развивающейся личности, тогда как интересы государства имеет смысл отстаивать ровно настолько, насколько они способствуют развитию личности» [14. С. 260].

С конца XX столетия высшему образованию стали уделять особое внимание. Оно заняло одно из ведущих мест с точки зрения приоритетов развития, как на международном уровне, так и на национальном, во многих странах. Следует назвать три основные причины повышения интереса к проблемам образования.

Во-первых, происходит постепенное осознание того, что мир вступил в фазу постиндустриального развития, в котором знания и высокая квалификация становятся производительной силой. Довольно четко это направление рассматривается, например, в работах В. Иноземцева [7] [8]. Но главное – это стали понимать не только исследователи, но и политики.

Во-вторых, сами образовательные услуги все отчетливее выступают в качестве значимой статьи дохода, о чем свидетельствует опыт США, которые занимают лидирующее место в мире в этой области, хотя, пожалуй, более показательной в этом отношении оказалась Австралия, сделавшая ставку в мировом разделении труда на свою «специализацию» по предоставлению образовательных услуг. Английский язык и климат выступили благоприятными факторами и перевесили негативные последствия географической удаленности страны, выведя Австралию в тройку лидеров по предоставлению образовательных услуг иностранным студентам. Недалеко от Австралии по этому показателю сегодня стоит Новая Зеландия.

И, пожалуй, наиболее значимый фактор становления образования как политического инструмента влияния – так называемая «производящая власть» высшего образования. Образование формирует образ мира. В современных условиях, когда происходит острое столкновение различных имиджей и концепций, где наблюдается эрозия доминирующего западноевропейского христианского логоцентричного образа, вопрос о том, образование какой страны, культуры, цивилизации будет оказывать влияние на формирование культурно-политического облика мира, является сегодня основным вопросом лидерства и власти в мировой политике.

Важно понимать, что деятельность организаций, действующих в сфере образова-

ния, может быть отнесена к сфере «мягкой силы» («soft power»). В этой связи стоит отметить, что рубеж тысячелетий стал именно тем моментом в истории, когда научные инновации, а также их внедрение в буквальном смысле определяют дальнейшее политическое развитие.

Дж. Най, развивая концепцию «мягкой силы», или «гибкой силы» (soft power), показал, что воздействие того или иного государства на внешний мир этим инструментарием может быть ничуть не меньшим, если не большим, чем военными или экономическими средствами. Под «мягкой силой» Дж. Най понимает «способность убедить других желать того же, чего хотите вы» [21. С. 8]. Чтобы осуществить это, надо, согласно Дж. Наю, сделать предложение привлекательным для партнера, вовлечь его в совместную деятельность.

Этот тип власти основывается на использовании нематериальных ресурсов, таких, как культура, идеология и институты. В ресурсную базу «мягкой власти» Дж. Най также включает и внешнюю политику (в том случае, если другие государства рассматривают ее в качестве легитимной и морально оправданной) [22. С. 94].

Российские исследователи И. Зевелев и М. Троицкий предлагают уточнить понятие «мягкой власти», приложив к нему семиотическую методологию, то есть распространив его на «изучение того, каким образом деятельность одного государства изменяет (или не изменяет) систему кодов восприятия реальности другого государства» [6. С. 7]. Они обращают внимание на ошибочные представления о том, что все субъекты на международной арене пользуются в общении друг с другом одинаковым понятийным аппаратом и делают одинаковые выводы из получаемой информации. Субъект, предпринимающий какие-либо действия, не может рассчитывать на то, что его действия будут восприниматься именно в том значении, которое он изначально в них закладывал [16].

К концу XX в. в Европе наблюдался явный спад интереса к существующей системе высшего образования в конце, о чем свидетельствовал тот факт, что с начала 1990-х гг. число европейских студентов, которые обучались в США, превысило число американских студентов, обучающихся в Европе [4]. Ответом на возросшую конкуренцию в образовательной среде стала инициативная в 1998 г. главами соответствующих министерств четырех стран (Великобритании,

Германии, Италии и Франции) интеграция европейского пространства высшего образования.

Впоследствии в июне 1999 года в Университете Болоньи министры образования 29 европейских стран подписали декларацию, давшую старт так называемому Болонскому процессу. Главной целью Болонского процесса является гармонизация систем образования стран Европы посредством формирования единого пространства высшего образования. Проект изначально был открыт для присоединения, и на сегодняшний момент участниками Болонского процесса стали 47 государств. С 2003 года к процессу присоединилась и Россия.

Помимо европейских интересов России, Болонский процесс также затрагивает ее глобальные запросы. Прежде всего, он позволяет России проявить свои преимущества в конкурентной борьбе и придать им международный характер. Речь идет о высоких стандартах образования, динамизме городского населения и традициях классической российской культуры и интеллигенции. Другими словами, Болонский процесс может помочь России сделать эти национальные активы полностью конвертируемыми и обеспечить ей лучшие позиции в международном разделении труда, освободив от роли поставщика сырья.

Последнее означает, что Болонский процесс может помочь максимально использовать «мягкую власть» страны в тот момент, когда традиционные инструменты «твердой власти» не оправдывают себя в России, СНГ и по всему миру. Соответственно, российская высшая школа может стать гораздо более перспективной и надежной основой для создания привлекательного международного имиджа и престижа страны, чем ракета, территория или нефть [3].

Предоставление образовательных услуг иностранным студентам – один из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. Причем это особого рода «мягкая сила». Образование наряду с наукой и культурой, пожалуй, в наибольшей степени предполагает не только воздействие, но и взаимодействие, диалог.

Привлечение в страну иностранных студентов, организация обменных программ и грантов приводит к формированию долгосрочных связей на уровне обществ и позволяет рассчитывать на лояльность «будущих лидеров». Речь идет в первую очередь о передовых и престижных специальностях, овладев которыми, будущие выпускники

смогут занять ведущие позиции в политических, деловых и научных кругах. Более того, в ходе обучения формируется система ценностей и ориентиров, позволяющая сблизить рамки, сквозь которые смотрят на мир представители различных культур. В таком случае можно говорить уже о долгосрочном эффекте применения инструментов «мягкой власти».

«Мягкая власть», безусловно, должна быть активным ресурсом в арсенале влияния любого государства, которое имеет долгосрочные внешнеполитические цели, будь то упрочение собственного влияния в мире, или проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития. «Мягкая власть», особенно когда речь заходит об образовании, предполагает выстраивание прочных отношений на уровне обществ, которые могут стать хорошей основой для любых политических контактов в будущем [16].

Достижения государства в науке, культуре и других областях сразу же привлекают студентов именно по данным направлениям, которые становятся наиболее престижными и востребованными. Следует иметь в виду, что при обучении в юношеские годы в значительной степени формируется система ценностей, которые сопровождают человека всю жизнь [12].

Болонский процесс, будучи наиболее существенным и ярким проявлением политикообразующей функции образования, так и не стал предметом внимательного изучения специалистов в области мировой политики. Отчасти это объясняется тем, что для исследователей, занимающихся европейской интеграцией, Болонский процесс, явно выходящий за рамки Европейского союза, оказывается «чужим» исследовательским полем. Поэтому он в лучшем случае рассматривается с точки зрения исторического хода событий, хронологии принятия документов [23], а также характера принимаемых реформ, технологии включения России в общеевропейскую реформу высшего образования и наиболее бурно обсуждаемых плюсов и минусов Болонского процесса [4]. Кроме того, можно назвать еще две причины. Во-первых, результаты социально-политических изменений, обусловленных реформой образования, станут очевидными не сразу, во-вторых, они будут «накладываться» на другие процессы, поэтому вычленив воздействие собственно интеграционных процессов в области об-

разования сложно. В итоге международно-политические аспекты развития Болонского процесса, а также социально-политические последствия, которые порождает и к которым может привести создание общеевропейского пространства высшего образования, в целом остаются вне фокуса исследовательского внимания.

Болонский процесс инициирован и развивается как определенный политический выбор. В этом смысле реформирование высшего образования в Европе пошло «сверху». В конце 80-х – первой половине 90-х годов прошлого столетия европейцы обнаружили научно-техническое отставание, которое стало ощущаться на повседневном уровне и тормозить все сферы социально-экономического развития. Речь шла, прежде всего, о широком внедрении пластиковых карт, Интернета, сотовой связи и т.п. инноваций, основанных на информационных и коммуникативных технологиях. Причем отставание наблюдалось не только по отношению к США или Японии, но даже к таким странам, как, например, Южная Африка, где системы пластиковых карт и сотовой телефонной связи активно начали использоваться раньше.

Вторым важным моментом, на которое обратили внимание в Европе, стало то, что Европа стала терять передовые позиции в мире в области предоставления образовательных услуг. Прежде всего – США, а также Австралия начали интенсивно предоставлять образовательные услуги, и это явилось значимой статьей их экспорта. По данным ЮНЕСКО, в 2002/2003 учебном году в США обучалось 582996 иностранных студентов, что составило 4% всех американских студентов, а в Австралии – 179619 (18% от общего числа студентов) [5]. С начала 1990-х гг. число европейских студентов, которые обучались в США, превысило число американских студентов, обучающихся в Европе [15]. Факт отставания европейского образования имел не только экономическое значение. Европа, с ее культурными историческими традициями, неотъемлемой частью которых было университетское образование, стала уступать свои позиции в этой области.

Все это и заставило европейцев в конце 1990-х годов серьезно заняться реформой в области высшего образования с тем, чтобы повысить качество образования и усилить связи, с одной стороны, с практикой, с другой – с наукой. Это должно, по замыслам создателей реформы, сделать более привле-

кательным европейское образование для потенциальных студентов, а также усилить востребованность выпускников европейских университетов на рынке труда.

Россия является участницей Болонского процесса – масштабного международного образовательного проекта, который позволит сблизить стандарты образования в европейских странах. Кроме очевидных выгод от такого сотрудничества для российских студентов (возможность обучения за границей, удобная и понятная система оценки знаний, признаваемая всеми ВУ-Зами), можно говорить и об ожидаемых благоприятных эффектах для российской мягкой власти. Если результатом Болонского процесса станет возрастание потоков иностранных студентов и преподавателей, приезжающих в Россию, то есть надежда на формирование таких долгосрочных связей, которые позволят рассчитывать на поддержку российской политики в будущем и на благоприятное отношение к нашей стране [1].

Примером интеграции в Болонскую систему для России могла бы стать Турция, которая успешно интегрировала свою систему высшего образования в европейскую: Болонский процесс принес турецкому образованию и науке больше позитивного, чем негативного. Власти Турции не критикуют европейские рейтинги, а активно способствуют продвижению своих университетов вверх по их «лестницам», а также формируют свои собственные рейтинги. Несмотря на имевшиеся и имеющиеся по сей день проблемы, турецкое высшее образование активно их преодолевает, учитывая зарубежный опыт и не стесняясь его заимствовать на благо собственной системы, с учетом собственных интересов и особенностей [1].

Система турецкого образования еще несколько десятилетий назад была малопривлекательной даже для собственных граждан, которые предпочитали учиться за рубежом, а турецкие дипломы практически не котировались даже на родине. В последние годы в сфере высшего образования в Турции наблюдается стремительный рост, причем и с количественной, и с качественной точек зрения. Причина проста и заключается в том, что государство стало выделять большие средства на повышение уровня образования, на привлечение иностранных педагогов и студентов, на развитие университетов как научных центров, способных генерировать новое знание.

Помимо того, нельзя не отметить и заинтересованность элиты страны в укреплении собственной «мягкой силы» за счет образовательной среды [1].

Высшее образование может быть инструментом «мягкой силы» в том случае, если оно отвечает критериям качества. Как отмечает Б. Салтыков, «из примерно пятисот вузов, работавших в СССР к концу 1980-х, лишь 60 - 70 давали качественное ВПО действительно мирового уровня». Однако именно в этих вузах и учились в основном иностранные студенты. О качестве российского образования свидетельствует и приводимый Б.Салтыковым факт, что сегодня примерно 23 - 30 тыс. российских ученых работают за рубежом на постоянной основе. Еще примерно столько же – по временным контрактам [17].

В 2000-е гг. проблемы образования, в том числе и высшего, вновь оказываются в центре внимания российского государства. Значительно возрастает количество вузов и студентов в стране. По массовости высшего образования выходит на первое место в мире: в 2005 г. на каждые 10 тыс. жителей в РФ приходилось 495 студентов, в США – 445, в Германии – 240, в Японии – 233 [17].

Говоря о высшем образовании как средстве политического воздействия, необходимо иметь в виду, что современный мир, ориентированный на «новую экономику», основанную на современных научно-технических достижениях, резко повышает значимость образования. Лидирующие позиции на международной сцене в будущем займут те государства, которые сегодня обладают самыми эффективными и конкурентоспособными образовательными системами. Образование, являясь необходимым условием развития, начинает играть все большую роль в современном мире. Одновременно оно становится и фактором политического развития [10].

Необходимо отметить, что наряду с интеграцией в образовательной сфере действуют и дезинтеграционные тенденции. В частности, это проявляется в *децентрализации образования*, что означает, как пишет американский автор М. Карной (M. Carnoy), переход многих функций управления образованием в ряде стран с общенационального на местный и муниципальный уровень, в связи с чем решать многие вопросы, в том числе и образовательные, в «централизованном» порядке оказывается невозможным.

В принципе, децентрализация образования является частью общемировых процессов развития мира, т.к. отвечает современным требованиям множественности акторов и передачи вопросов принятия решения на более низкие уровни. В этих условиях местные образовательные структуры становятся более самостоятельными в вопросах относительно того, что и как преподавать. Кроме того, стимулируется стремление каждого учебного заведения к повышению конкурентоспособности своих выпускников на рынке труда. Децентрализация дает возможность гибко реагировать на запросы практики, особенно, если эти запросы исходят от местных и региональных структур. Она также позволяет расширить вариативность учебных программ, открывает перспективы для творческой реализации преподавателей.

Как и другие тенденции, децентрализация образовательной сферы имеет оборотную сторону. Во-первых, передача процесса принятия решения на более низкий уровень не предполагает автоматического повышения его эффективности. В ряде случаев решения, принимаемые на местном уровне, оказываются далеко не оптимальными, и в итоге страдает качество обучения. Во-вторых, децентрализация ведет к тому, что программы разных учебных заведений оказываются плохо сопоставимыми. Это мешает проведению обменов учащимися и преподавателями, развитию интеграционных процессов в образовательной сфере. В-третьих, в результате децентрализации учебные заведения, как правило, больше внимания уделяют частным вопросам, ориентируя своих выпускников на прикладные аспекты и оставляя вне их внимания общие тенденции мирового развития. Недостаток

общетеоретического и методологического образования затрудняет в дальнейшем получение знаний в других сферах, что является сегодня необходимым условием успешной профессиональной деятельности.

Можно отметить, что в университетском сообществе России начата серьезная работа по внутренней модернизации и стратификации. Она проводится как на министерском уровне, так и в отдельных университетах. Рост конкурентности (и ожидаемый в связи с этим рост транспарентности) и должен привести к формированию устойчивой страты вузов-лидеров, которые будут способны достойно включиться в глобальные университетские сети и вывести Россию в число реальных лидеров мировой образовательной политики [11].

В то же время, как отмечает российский исследователь В.Коннов, попытки преобразований тех черт системы высшего образования, которые воспринимаются как негативные последствия «перегибов» советского периода, во-первых, встречает сопротивление самой образовательной системы, во-вторых, нередко сталкивается с настроенным отношением общества в целом. Причиной проблем такого рода зачастую является игнорирование авторами образовательной политики, ориентированной главным образом на заимствование западных образцов, культурного фактора, способного провоцировать отторжение привнесенных извне организационных форм или же исказить их содержание [9].

Управление «хаосом» образования в информационную эру приобретает огромное значение. Именно образование формирует подходы следующих поколений, а в среднесрочной и долгосрочной перспективах и новую ментальность.

Литература:

1. Аватков В.А., Касаткин П.И. Высшее образование в Турции и Болонский процесс // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6.
2. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4.
3. Болонский процесс и его значение для России / Ред.-сост. С. Медведев и К. Пурсайнен. М., 2005.
4. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие: документы международных форумов и мнения зарубежных экспертов / Под ред. В.И. Байденко. М., 2002.
5. Всемирный доклад по образованию. Сравнение мировой статистики в области образования. Монреаль, Институт статистики ЮНЕСКО, 2005.
6. Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ: очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2006.

7. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
8. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999.
9. Коннов В.И. Развитие системы высшего образования в России и за рубежом: теоретические ориентиры // Право и управление. XXI век. 2013. № 1.
10. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // МЭ и МО. 2006. № 10.
11. Лебедева М.М. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики / М.М. Лебедева, О.Н. Барабанов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6.
12. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9).
13. Михеев А.Н. Неправительственные объединения как акторы мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. Коллективная монография / Под. ред. М.М. Лебедевой. М., 2008.
14. Памфилова Т.В. Противоречивые задачи дипломатии в условиях глобализации. // Дипломатия и культура / Материалы научной конференции. 4 июня 2002. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2003.
15. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (15).
16. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13).
17. Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами // IFRI. Russie.Nei.Visionsn 29. // http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf.
18. Amos K., Keiner E., Proske M., Radtke F-L. Globalisation: autonomy of education under siege? Shifting Boundaries between Politics, Economy and Education / European Educational Research Journal. 2002. V. 1. № 2.
19. Castells M. The Rise of the Network Society. Second ed. Oxford, 2000.
20. Green A. Education, Globalization and the Nation State. New York, 1997.
21. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y., 2002.
22. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008.
23. Reinalda B., Kulesza E. The Bologna Process – Harmonizing. Europe's Higher Education. Opladen and Bloomfield Hills, 2005.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Поиск новых моделей социально-экономической организации: университет как организационная парадигма экономики знаний», проект No. 12-02-00511.

THE BOLOGNA EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE EU POLITICAL DEVELOPMENT

Since the end of the 20th century higher education has attracted special attention as a development priority. The trend has been obvious on the international and nation state level. Higher education is obviously becoming increasingly demanded and attractive and the number of students in a country serves as an indicator of a successful or less successful development. Nowadays the system of higher education is going through significant transformations and is frequently becoming part of international cooperation. Meanwhile, despite the fact that a considerable number of experts in economics, social studies and technologies have been studying the sphere of higher education it has not received an adequate attention regarding its role in world political processes.

The article studies the current stage of international development of higher education.

The author analyzes the Bologna Process and the way some new participating countries are adapting to it. The article emphasizes the importance of the educational sphere as an integral part of a state's soft power. It is stated that the deepening and widely growing globalization processes in the modern world are covering more and more spheres, including the socio-humanitarian sphere, and thus making the 'anthropological' factor a vital dimension in world politics. Thereupon, education becomes essential for the future world development – not only in terms of culture, but also from the point of view of a mainly international political and economic evolution. The important conclusion the author makes is that the way education process is managed may seriously influence, firstly, international positions of a state and, secondly, the shape of mentality the new generation will take.

Petr I. Kasatkin, Candidate of Science (political studies), Postgraduate Research Studies
Department, Head, MGIMO (University) under the MFA of Russia

Ключевые слова:

образование, Болонский процесс, мягкая
сила, ментальность

Keywords:

education, Bologna process, soft power,
mentality

References:

1. Avatkov V.A., Kasarkin P.I. Vysshee obrazovanie v Turtsii i Bolonskiy protsess [Higher education in Turkey and Bologna process] // Vestnik MGIMO University. 2012. No. 6.
2. Aktualnye voprosy globalizatsii. Kruglyj stol [Urgent issues of globalization. Round table] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economics and international relations]. 1999. No. 4.
3. Bolonskiy protsess i ego znachenie dlya Rossii [Bologna process and its significance for Russia]. Medvedev S., Pursiajnien K. (ed.). Moscow. REСEP. 2005.
4. Bolonskiy protsess: narastayuschaya dinamika i mnogoobrazie. Dokumenty mezhdunarodnykh forumov i mneniya zarubezhnykh ekspertov [Bologna process: accelerating dynamics and diversity. International forums documents and foreign experts' opinions. Baidenko V.I. (ed.)]. Moscow. 2002.
5. Vsemirnyi doklad po obrazovaniiyu. Svravnenie mirovoy statistiki v oblasti obrazovaniya [World education report. Comparison of world statistics in education sphere]. Montreal. UNESCO Statistics Institute. 2005.
6. Zevelev I.A., Troitskiy M.A. Sila i vliyanie v amerikano-rossiyskikh otnosheniyah. Semioticheskiy analiz: ocherki tekushey politiki [Power and influence in Russian-American relations. Semiotic analysis: current political outlook] Moscow. 2006, No. 2.
7. Inozemtsev V.L. Za predelami ekonomicheskogo obschestva [Beyond economic society]. Moscow. Academia: Nauka. 1998.
8. Inozemtsev V.L. Raskolotaya tsivilizatsiya [Shattered civilization]. Moscow, 1999.
9. Konnov V.I. Razvitie sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii i za rubezhom: teoreticheskie orientiry [Development of higher education system in Russia and abroad: theoretic guidelines] // Pravo i upravlenie. XXI vek (Law and management. 21st century). 2013, No. 1.
10. Lebedeva M.M. Politikoobrazuyuschaya funktsiya vysshego obrazovaniya v sovremennom mire [Higher education function in forming politics in the modern world] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economics and international relations]. 2006. No. 10.
11. Lebedeva M.M. Globalnye tendentsii razvitiya universitetov i transformatsiya rossiyskoy obrazovatelnoy politiki [Global trends of university development and the transformation of Russian educational policies]. Lebedeva M.M., Barabanov O.N. // Vestnik MGIMO University. 2012. No. 6.
12. Lebedeva M.M., Fore J. Vysshee obrazovanie kak potentsial "myagkoy sily" Rossii [Higher education as a soft power potential of Russia] // Vestnik MGIMO University. 2009. No. 6 (9).
13. Mikheev A.N. Nepravitelstvennye obyedineniya kak aktory mirovoy politiki (Non-governmental associations as world politics actors). "Privatizatsiya" mirovoy politiki: lokalnye deystviya – glabalnye rezultaty [Privatization of world politics: local actions – global results. Collective monography. Lebedeva M.M. (ed.)] Moscow. 2008.
14. Pamfilova T.V. Protivorechivye zadachi diplomatii v usloviyah globalizatsii [Controversial tasks of diplomacy in globalization]. Diplomatya i kultura [Diplomacy and culture: science conference materials, 4 June 2002. Pamfilova T.V. (ed.)] Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs, Russia. Moscow. 2003.
15. Panova E.P. Vysshee obrazovanie kak potentsial myagkoy vlasti gosudarstva [Higher education as a soft power potential of a state] // Vestnik MGIMO University. 2011, No. 2 (15).
16. Panova E.P. Sila privlekatelnosti: ispolzovanie "myagkoy vlasti" v mirovoy politike [Power of attraction: use of soft power in world politics] // Vestnik MGIMO University. 2010. No. 4 (13).
17. Saltykov B. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Higher education in Russia: between the legacy of the past and challenges of the present] IFRI. Russie.Nei.Visionsn 29 // http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf.
18. Amos K., Keiner E., Proske M., Radtke F-L. Globalisation: autonomy of education under siege? Shifting Boundaries between Politics, Economy and Education / European Educational Research Journal. 2002. V. 1. No. 2.
19. Castells M. The Rise of the Network Society. Second ed. Oxford, 2000
20. Green A. Education, Globalization and the Nation State. New York, 1997.
21. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y., 2002.
22. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008.
23. Reinalda B., Kulesza E. The Bologna Process – Harmonizing. Europe's Higher Education. Opladen and Bloomfield Hills, 2005.